

Алексей Иванович Кондратенко родился в 1964 году в Воронеже. Окончил факультет журналистики Воронежского государственного университета. Доктор филологических наук. Главный редактор альманаха «Орел литературный». Публиковался в журналах «Сельская молодежь», «Бежин луг», «Час России», «Десна», «Роман-журнал XXI век», «Подъём». Автор 15 книг исторической прозы и краеведения. Председатель правления Орловской региональной организации Союза писателей России. Живет в Орле.

Алексей Кондратенко

ИСКАТЕЛЬ ИСТИНЫ

(Жизнь и труды Николая Данилевского)

Двести лет назад в Орловской губернии родился Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885) — выдающийся русский социолог, естествоиспытатель, идеолог славянофильства. В книге «Россия и Европа» он изложил теорию обособленных «культурно-исторических типов» (цивилизаций), находящихся в непрерывной борьбе друг с другом и внешней средой и проходящих predetermined стадии возмужания, дряхления и гибели.

ЛИВЕНСКИЕ ИСТОКИ

Множество энциклопедий и биографических словарей содержит сведения о том, что Николай Данилевский родился 28 ноября 1822 года в селе Оберец Ливенского уезда (ныне Измалковский район Липецкой области). Оберец был родовым именем его матери Дарьи Ивановны, урожденной Мишиной (1800–1852). Мишины издревле жили на ливенской земле.

Однако в последние годы появилась несколько иная информация о месте рождения именитого земляка. Ливенский краевед Ю.И. Бондарев в публикации «Дворяне Данилевские и Мишины на ливенской земле» (2018) сообщает: «Наследница рода Данилевских, правнучка Н.Я. Данилевского Ольга Николаевна при работе над книгой о героях войны 1812 года обратилась к своему двоюродному дяде Олегу Сергеевичу Данилевскому с просьбой поработать в Центральном Государственном архиве. Он и обнаружил в фонде № 1343, опись № 20, дело № 229 рапорт за 1834 г. Дани-

левского Якова Ивановича — отца Н.Я. Данилевского, где он записал, «что у майора и кавалера Якова Иванова сына Данилевского 4/12 1822 года в селе Остров Ливенской округи родился сын Николай, а крещен 6-го числа. Таинство совершил священник Николай Острогорский с дьяконами Гаврилом Рудневым и Иларгоном Шубиным. Крестный отец — майор Петр Дмитриевич Коротнев».

Метрика составлялась отцом для поступления Николая в пансион профессора М.Г. Павлова в Москве, куда 12-летний сын полковника Данилевского — командира гусарского его Императорского высочества Великого князя Михаила Павловича полка — вместе с отцом переехал из Лифляндии, где близ Верро до 1833 года он обучался в пансионе пастора Шварца.

Отец будущего автора «России и Европы» Яков Данилевский (1789–1856) окончил Московский университет, участвовал в Отечественной войне 1812 года. Молодым офицером он был участником заграничного похода в составе гусарского полка, получил ранение в «битве народов» под Лейпцигом в 1813 году. На момент рождения Николая отец по-прежнему был военным (впоследствии дослужился до чина кавалерийского генерала) и служил в Ливнах. Его однополчанами были братья Дарьи Мишиной, ставшей женой бравого гусара.

В архивном деле сохранился формулярный список полковника Данилевского. Этот список позволил получить еще одно подтверждение того, что Я.И. Данилевский в 1834 году имел «детей сыновей Николая 11 и Александра 10 лет и дочь Елену 5 лет, которые родились первый: Ливенской округи в селе Остров 1822 года декабря 4-го, второй в городе Ливнах 1824 августа 6-го, и записан в метрическую книгу конно-егерского его Величества короля Виртембергского полка, а последняя Ливенского уезда в селе Остров 1829 года мая 20 и записана в метрической книге Нарвского гусарского полка, на что свидетельства... прилагаю».

Село Остров ныне расположено в Ливенском районе Орловской области, примерно в 13 километрах к северо-востоку от города Ливны. Рядом с ним Оберец — примерно в 6 километрах. Кстати, Ливны и окрестности — родина многих выдающихся людей России. В селе Козьмодемьяновском Ливенского уезда (ныне село Козьминка) родился Федор Васильевич Ростопчин (1763–1826) — военный губернатор Москвы в 1812 году. Он вошел в историю как один из видных представителей русского консерватизма, публицист, автор патриотических памфлетов и афиш 1812 года.

Ливны и Ливенский уезд — родина философа Сергея Булгакова, авиаконструктора Николая Поликарпова, ректора МГУ и вице-президента Академии наук СССР Рема Хохлова. Нельзя не назвать в этом ряду и Феофана Затворника (Говорова), который родился в селе Чернавске Елецкого уезда (30 верст от Ливен) в 1815 году, шесть лет учился в Ливенском духовном училище, а затем в духовной семинарии в Орле.

Феномен русской провинции, столь щедрой на гигантов духа и интеллекта, еще требует пристального изучения. И дело здесь не только в благодатной природе и плодородной почве. В Ливенском уезде, в отличие от других, более северных, издавна жило много однодворцев, не испытавших крепостной зависимости, приученных к военному укладу жизни и постоянным опасностям. В душах этих сильных и трудолюбивых людей не было утрачено чувство достоинства, независимости, уважения к традициям и старине. Сергей Булгаков написал мудрые и полные сыновней любви строки: «Родина есть священная тайна каждого человека, так же как и его рождение. Теми же таинственными и неисследимыми связями, которыми соединяется он чрез лоно матери со своими предками и прикрепляется ко всему человеческому древу, он связан чрез родину и с матерью-землей и со всем Божиим творением... Чем я становлюсь старше, тем более расширяется и углубляется мой жизненный опыт, тем яснее становится для меня значение родины. Там я не только родился, но и зародился в зерне, в самом своем существе, так что вся дальнейшая моя, такая ломаная и сложная жизнь есть только ряд побегов на этом корне. Все, все мое — оттуда».

Так как отец часто менял места службы, дети Николай, Александр и Елена странствовали вместе с родителями. К тому же Я.И. Данилевский, увлеченный со студенческих лет наукой и литературой, способствовал развитию в сыне наклонностей к научному поиску. Николай в пятнадцать лет владел английским, французским, немецким языками и латынью, с 1837 года учился в Царскосельском лицее. При Данилевском в лицее служили преподаватели, помнившие юного Пушкина и делившиеся своими воспоминаниями о нем с новыми поколениями лицеистов.

К сожалению, это было уже совсем не то учебное заведение, которое хорошо известно всем нам по ученической поре Пушкина. Уже не было лицейского братства, свободоблюбивых идей. В николаевскую эпоху лицей обрел куда более консервативные черты. Поступивший сюда двумя годами позже Данилевского М.Е. Салтыков-Щедрин вспоминал: «В то время, и в особенности в нашем «заведении» вкус к мышлению был вещью очень мало поощряемою. Высказывать его можно было только втихомолку и под страхом более или менее чувствительных наказаний». По словам Салтыкова-Щедрина, все лицейское воспитание было направлено только к одной цели — «приготовить чиновника».

Так и случилось: окончив лицей в декабре 1842 года, Николай Данилевский поступил на службу в канцелярию военного министерства. Церемония XII выпуска лицейстов (пушкинский был первым по счету) состоялась 31 января 1843 года. Это был последний выпуск Царскосельского лицея (всего за несколько десятилетий было выпущено 286 человек), уже в ноябре учебное заведение переименовали в Александровский лицей и перевели непосредственно в Санкт-Петербург. Данилевский мечтал учиться дальше. Тогда же он определился вольнослушателем на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Юный студент, по воспоминаниям друзей, «не имея ничего и ничего ниоткуда не получая», в 1840-е гг. жил исключительно на гонорары за публикации в журналах.

Университетские годы для Николая Данилевского стали временем искренней дружбы с Петром Семеновым (будущим знаменитым географом и путешественником П.П. Семеновым-Тянь-Шанским) — самоучкой, приехавшим в Петербург из рязанской глуши. Близорукий и угловатый Петр, несмотря на отсутствие систематического начального образования, блестяще поступил в школу гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров. Он учился здесь не из-за любви к военному делу, а из-за того, что некому было оплатить его обучение в обычной гимназии. Любимым занятием Петра было наведываться по воскресеньям к старшему брату Николаю — однокашнику Николая Данилевского по лицее, а затем по университету. Оба Николая, став студентами, жили в одной комнате на Васильевском острове. Вскоре перебрался к ним и Петр, окончивший в 1845 году военную школу. Он, как и Данилевский, начал ходить вольнослушателем на университетские лекции.

Магистранты, познавая глубинную Россию, настойчиво собирали материал для своих диссертаций. И темы работ оказались похожи, как близнецы. Семенов исследовал Тамбовскую, Воронежскую и другие губернии, на этой основе написал и защитил диссертацию «Придонская флора». Данилевский, по поручению Вольного экономического общества, занимался изучением границ чернозема в средней полосе России и флоры этих районов. Он написал диссертацию «Орловская флора». Судьба рукописи до сих пор неясна, однако Данилевский остался в истории Орловского края одним из первых исследователей местной флоры.

В 1840-е и 1850-е гг. он подолгу гостил в селе Русский Брод (Лаврово) Ливенского уезда (ныне Верховский район Орловской области) у своих друзей Лавровых, занимаясь здесь ботаническими и геологическими изысканиями. Сестра Данилевского Елена училась в институте благородных девиц. Елена была знакома с вдовой бывшего сослуживца отца по ливенскому полку генерала Беклемишева — Верой Николаевной (урожденной Лавровой). В.Н. Беклемишева рано овдовела, прожив в браке со

своим мужем Андреем Николаевичем Беклемишевым (1792 — 1840) всего шесть лет. Оставшись вдовой в 24 года (детей у них не было), Вера Николаевна поселилась у своего отца Николая Евгеньевича Лаврова в селе Русский Брод. Здесь и состоялось ее знакомство с Николаем Данилевским. Это произошло в 1844 году, когда Данилевский вместе с сестрой Еленой приехал погостить в Русский Брод. В последующие годы он проводил здесь летние месяцы (порой гостил по полугоду): занимался исследованием растений и древних окаменелостей, вел свои разнообразные геологические изыскания. Так случилось, что Николай Яковлевич признался Вере Николаевне в своих чувствах лишь за несколько дней до ареста... Это было знаменитое «Дело петрашевцев».

ВРЕМЯ СТРАНСТВИЙ

Истоки объединения молодежи вокруг Петрашевского коренятся, конечно же, в тех процессах, которые начались в России еще в период Александра I. Последние годы его правления носили отпечаток глубокого душевного разлада: от нерешаемых проблем России царь спасался на европейских конгрессах, где монархи и дипломаты льстиво прославляли его как просвещенного и либерального правителя. Восстание декабристов дало мощный толчок духовному развитию российского общества и одновременно затормозило эволюцию российского государства, потому что Николай I отдал от власти ту часть дворянской верхушки, которая стремилась к каким-либо переменам в российской жизни и укладе Российского государства.

Количество молодежных кружков в Петербурге, а также в Москве и провинциальных городах стремительно росло. В умах молодых философов носилась масса разнообразных идей и идей. Характерно, что в кружке сына доктора медицины Василия Петрашевского — мелкого чиновника, юриста по образованию Михаила Бутаевича-Петрашевского (регулярные встречи устраивались по пятницам с весны 1846 года) активно обсуждали разнообразные общественные и политические темы: крестьянский вопрос, судеустройство, свобода печати, — словом, все то, что предвосхищало проблематику реформ 1860-х гг.

Члены кружка были увлечены теориями Сен-Симона, Леру, Ламэнэ, Луи Блана, Кабэ. Особенно чтим был Шарль Фурье (Петрашевский иногда называл себя фурьеристом). Можно предположить, что и Николай Данилевский имел высокий авторитет в кругу петрашевцев — ведь именно он читал здесь лекции об учении Фурье.

За происходящим в «противуправительственном обществе» уже давно пристально следило Третье отделение... В конце апреля 1849 года произошла серия арестов. В частности, Николай Данилевский в это время находился на научной практике в Тульской губернии, на Красивой Мече, где был арестован и доставлен в Петербург. Три месяца ему предстояло провести в Петропавловской крепости.

На удивление, талантливый молодой лектор Данилевский сумел убедить следственную комиссию в том, что его увлечение системой Фурье носило чисто экономический, но никак не политический характер. Комиссия оправдала Данилевского, избрав в качестве меры лишь ссылку в Вологду. А по решению военного суда двадцать один «злоумышленник» из кружка Петрашевского был приговорен к расстрелу, но 22 декабря 1849 года, уже на эшафоте, после того, как были проделаны все соответствующие приготовления, казнь была заменена более «мягким» наказанием: каторжными работами, ссылкой в Сибирь и разжалованием в солдаты.

Н.Я. Данилевский в Вологде служил чиновником особых поручений при губернаторе. Фактически его ссылка была началом целой серии ссылок в вологодский край политических противников царизма (по некоторым подсчетам, общее число направленных сюда политических ссыльных составило около 10 тысяч человек). В северной губернии Данилевский изучал местную природу, написал ряд научных трудов, в том

числе о климате губернии. Этот труд был отмечен премией Русского географического общества. Награда обнадеживала.

Из Вологды в ноябре 1851 года Данилевский написал письмо Николаю I о своей вине, о раскаянии, о твердой решимости «всю остальную жизнь загладить ее перед Богом, Царем и совестью». Он просил царя разрешить навестить больную мать, «оставить ей последнюю радость в жизни и получить ее, может быть, предсмертное благословение и, уверив ее в искренность возвращения к чувствам Христианина и верноподданого, услышать это прощение из уст умирающей матери»...

Вологда стала не только местом ссылки Данилевского. Сюда к нему приехала Вера Николаевна Беклемишева, в сентябре 1852 года состоялась их свадьба.

В 1853 году Данилевский был переведен в Самару в канцелярию губернатора на должность переводчика. Здесь Николая Яковлевича ждало колоссальное потрясение — в июне 1853 года супруга Вера Николаевна умерла во время эпидемии холеры.

Спасением от горя стало неожиданное предложение принять участие в научной работе. В статье «Литературная экспедиция» известный писатель-этнограф С.В. Максимов рассказывал о том, как при содействии великого князя Константина Николаевича (отца будущего президента Академии наук великого князя Константина Константиновича) было положено начало литературно-научной работе с целью изучения быта и занятий населения на окраинах страны. К участию в ней были привлечены Н.Я. Данилевский, А.Ф. Писемский, А.А. Потехин, А.Н. Островский, сам автор статьи и другие.

Еще более масштабной была организованная Министерством государственных имуществ экспедиция под руководством натуралиста академика Карла Максимовича (Карла-Эрнеста) Бэра (1792–1862). Русская ихтиологическая наука может поставить себе в заслугу то, что она в числе первых в мире активно вела исследования в интересах рыбного хозяйства и пыталась приостановить хищническое разбазаривание рыбных запасов. Шесть лет сотрудники экспедиции вели масштабные исследования рыбных и звериных промыслов в морях европейской части России. Экспедиции изобразили северные моря, Псковское и Чудское озера, Ладогу, Ильмень, Черноморье и Азов, Каспий.

Девять томов «Исследования о состоянии рыболовства в России», увидевшие свет в 1860–1875 гг., содержали не только анализ положения в рыбном хозяйстве, но и основы биологии промысловых рыб, и послужили крепким фундаментом для проектов рыболовного законодательства.

Причиной обеднения рыбных запасов Каспия в то время называли возможное увеличение солёности воды за счет «обмеления моря». К.М. Бэр совместно с Н.Я. Данилевским и А.Я. Шульцем в 1853–1856 гг. впервые организовал строго планомерные, комплексные исследования гидрологических, гидрохимических и гидробиологических свойств воды Каспийского моря. Было установлено, что солёность каспийской воды (около 1,4 %) вдвое ниже, чем вод открытого океана. Еще более пресной была вода в мелководной части северного Каспия в зоне впадения Волги и Урала (0,5 %).

Рыбные запасы Нижней Волги ошеломили экспедицию. При ловле частичковых рыб один невод приносил десятки, сотни пудов рыбы. Ее набивалось в сети столько, что часть рыбы мялась или раздавливалась. На продажу шла только отборная рыба; мелкая, помятая и малоченная, к которой относились чехонь, вобла, синга, выбрасывались. Казалось, богатства Волго-Каспийского бассейна неистощимы. Но экспедиция отметила уменьшение запасов рыбы в Средней Волге по сравнению с предыдущими годами, хищнические, недопустимые методы ее добычи. На рынках волжских городов появлялось все больше маломерной рыбы. Красная рыба по-прежнему поднималась для нереста по Волге за Костромой и Ярославль, однако многие, традиционные прежде, места ее ловли были уже забыты.

Период исследований совпал с Крымской войной, когда прекратился импорт голландской сельди. Идеи использования некоторых видов промысловых рыб (в частности, астраханской сельди) не только для получения жира, но и для засола, а затем питания населения, имели важное значение для решения продовольственного вопроса в России. Работы Данилевского были отмечены золотой медалью Русского географического общества.

В вологодском селе Никольском, в усадьбе рано ушедшего друга А.П. Межакова, Данилевский встретил его дочь Ольгу, которой вскоре сделал предложение. Ольга Александровна дала согласие, но было решено сыграть свадьбу после окончания очередной экспедиции на Север. Бракосочетание состоялось в октябре 1861 года. Вторая жена Данилевского была моложе его на 15 лет, у них родилось пятеро детей.

КРЫМ: ПОСЛЕСЛОВИЕ К ВОЙНЕ

Завершив многолетние путешествия, в 1864 году Данилевский поселился с семьей на южном берегу Крыма, купил небольшое имением Мшатка у Фороса. Это были развалины особняка, сожженного в Крымскую войну, — зримое свидетельство грозных испытаний, с которыми столкнулась Россия. Руины Мшатки будто напоминали о шаткости послевоенного европейского устройства (или уже довоенного?), предвещали грандиозную бурю в самом недалеком будущем...

Поражение в Крымской войне потрясло Российскую империю. И дело было даже не в чисто военном проигрыше. К противникам — Англии и Франции присоединились Австрия и Пруссия, что завершило политическую и военную изоляцию. Это столкновение с Европой сыграло роль звонка, означавшего, что Россия отстала от остального мира. Обострился «польский вопрос». В самой России начались крестьянские восстания, поднял голову терроризм. Страна переживала эпоху разброда, были утрачены привычные ценности и ориентиры.

Данилевскому в пору было предъявить счет прежней власти, которая переломала судьбы его сверстникам-петрашевцам. Впрочем, теперь Данилевский уже вряд ли вошел бы в состав прежнего интеллигентского кружка. Альфа и омега массы русских вольнодумцев — стремление обличать свое правительство, каким бы оно ни было, ничего при этом не производя, кроме пустопорожней болтовни. Эта стихийная говорильня безобидна только на первый взгляд, ведь ее логическое продолжение — ненависть, оскорбление тех, кто наивно называет себя верноподданным, террор революционеров-бомбистов. И далее — братоубийство и разруха...

В зарубежной прессе стали говорить, что Россия после подписания Парижского трактата «обиделась» на Европу, потеряла интерес к ее событиям, «ушла вглубь своих скифских степей» и не хочет (а заодно уже и не может!) деятельно участвовать в европейской политике: «Россия перестала быть частью Европы». Определяющую роль в формировании нового внешнеполитического курса сыграл тогда князь А.М. Горчаков (1798–1883), назначенный главой русского МИД в апреле 1856 года. Именно он составил циркулярную депешу МИД во все российские посольства зарубежом. В ней были пророческие слова: «Россию упрекают в том, что она изолируется и молчит перед лицом таких фактов, которые не гармонируют ни с правом, ни со справедливостью. Говорят, что Россия сердится. Россия не сердится. Россия сосредотачивается».

Немало повидавший и переживший Данилевский, обустроиваясь в Крыму, думал уже не о себе, не о прежнем кружке пылких юношей и даже не о своем поколении, которое готово было принять определение «потерянное». Детально изучив биологические проблемы, Данилевский все больше задумывался над закономерностями социально-экономического развития, все заметнее становился сдвиг в сторону проблем

социально-политических. После «мрачного семилетия» (1848–1855) Российская империя входила в полосу неизведанных прежде великих реформ...

Данилевский не только восстановил дом, но и как опытный биолог превратил свой участок в замечательный сад. Здесь бывали И.С. Аксаков, Л.Н. Толстой, другие известные люди. В Крыму Данилевский руководил комиссией по борьбе с филлоксерой (гля, вредитель винограда. — А.К.), одно время был директором знаменитого Никитского ботанического сада, основанного выдающимся ученым ботаником академиком Х.Х. Стевеном. Здесь было собрано 440 видов экзотических деревьев и кустарников, посажено 175 тысяч декоративных и плодовых деревьев.

Данилевский уже в 1865 году начал работу над книгой «Россия и Европа. Взгляд на культурно-историческое отношение Славянского мира к Германо-романскому». На изломе царствования Александра II в середине 1860-х гг. ожидания, не нашедшие удовлетворения в пределах уходящей эпохи, оказались чрезвычайно сильны, а средств для их осуществления у самого общества было еще так мало! Масса идей не находили почвы для своей реализации, могли остаться только на страницах научных трактатов. Одной из таких новых идей был панславизм. Термин «панславизм» родился, как ни удивительно, не в России, а в правительственных кабинетах европейских столиц, его ввели в оборот в 1840-е гг. реакционные деятели Австро-Венгрии и Германии, видевшие в славянском движении угрозу стабильности. А Данилевский в предпринятом исследовании выступал именно как идеолог славянофильства и панславизма.

Первое отдельное издание книги «Россия и Европа» вышло в 1871 году, второе (ошибочно указано «третье») в 1888, третье (ошибочно «четвертое») — в 1889. Ее автора в первых же откликах начали огульно обвинять в том, что он «оправдывает самодержавный шовинизм и политику национальной вражды». Данилевский получил ярлык пророка «роковой смертельной борьбы России со всем западом, т.е. со всем образованным миром».

В 1879 году Данилевский начал писать книгу «Дарвинизм. Критическое исследование» (два объемистых тома были изданы в 1885 и 1890 гг., позднее не переиздавались). «Я принадлежу к числу самых решительных противников дарвинова учения, считаю его вполне ложным», — писал он. Данилевский называл дарвинизм целиком искусственной теорией, главная цель которой — противодействие религии.

Еще одним предметом занятий Данилевского стал «Опыт областного великорусского словаря». Данилевский также оставил ощутимый след в истории отечественной биологии и географии, климатологии, статистики, политической экономии, статистики, написал несколько статей о русской географической терминологии.

Данилевский был истинным труженником, одним из самых заметных представителей нарождавшейся русской интеллигенции.

Умер Николай Яковлевич Данилевский от болезни сердца 7 ноября 1885 года на озере Гохчу по дороге в Тифлис, где был в командировке. Ушел из жизни незаметный человек, в кругу друзей и знакомцев которого были В.Г. Белинский, М.В. Петрашевский, К.М. Бэр, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, В.И. Ламанский (академик, автор работ по истории славянской филологии и этнографии), А.Н. Майков, И.С. Аксаков, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Н.Н. Страхов (первый биограф Ф.М. Достоевского). Коротко и сердечно сказал о своем истинном друге Н.Н. Страхов в июне 1886 года: «Жизнь эта была очень трудная, очень полезная, очень счастливая и очень скромная».

Похоронен Н.Я. Данилевский в Мшатке в Крыму. Его сторонники, немало способствовавшие внешнему успеху книги «Россия и Европа», практически ничего не сделали для внутреннего развития и разработки исторических взглядов своего кумира. С 1895 по 1991 год произведения Данилевского в России не переиздавались.

ГЛАВНАЯ КНИГА ЖИЗНИ

Уже сами названия глав книги «Россия и Европа» не могли не вызвать интереса читателей, ведь речь шла о давних проблемах взаимоотношений России и остального мира. Стоит перечислить только заголовки («Почему Европа враждебна России?», «Гниет ли Запад?», «Различия в психическом строе», «Европейщина — болезнь русской жизни»), и станет понятно, какой резонанс вызвали поставленные Данилевским вопросы.

Он начал свою книгу с обиденного, казалось бы, факта: «Летом 1866 года совершилось событие огромной исторической важности. Германия, раздробленная в течение столетий, начала спланиваться под руководством гениального прусского министра (Бисмарка. — А.К.), в одно сильное целое». Этот посыл был призван настроить читающую публику на самый серьезный лад, продемонстрировать крайнюю актуальность поднятой проблемы.

Данилевский заставлял читателя-обывателя задуматься, чтобы вырваться из плена обыденных стереотипов и представлений. Почему, например, Европа почти ничего не знает о современной России? Автор откровенно отвечал на этот вопрос:

«В моде у нас относится все к незнанию Европы, к ее невежеству относительно России. Наша пресса молчит, или, по крайней мере, до недавнего времени молчала, а враги на нас клеветуют. Где же бедной Европе узнать истину? Она отуманена, сбита с толку... Почему же Европа, которая все знает от санскритского языка до ирокезских наречий, от законов движения сложных систем звезд до строения микроскопических организмов, не знает одной только России?.. Смешны эти оправдания мудрой, как змий Европы — ее незнанием, наивностью и легковерием, точно будто об институте дело идет. Европа не знает, потому что не хочет знать, или, лучше сказать, знает так, как знать хочет... Смешны эти ухаживания за иностранцами с целью показать им Русь лицом, а через их посредство просветить и заставить прозреть заблуждающееся и ослепленное общественное мнение Европы... Нечего снимать бельмо тому, кто имеет очи и не видит; нечего лечить от глухоты того, кто имеет уши и не слышит. Просвещение общественного мнения... может быть очень полезно... но только не для Европы, а для самих нас, русских, которые даже на самих себя привыкли смотреть чужими глазами, для наших единомышленников. Для Европы это будет напрасный труд: она и сама без нашей помощи узнает, что захочет, и если захочет узнать».

Для тех, кто был все-таки не согласен с авторской трактовкой отношения остального мира к России, Данилевский приберет своеобразную аргументацию:

«Прочтите отзывы путешественников о России, пользующихся очень большою популярностью за границей, вы увидите симпатию... к кому угодно, только не к русскому народу... Прочтите статьи о России в европейских газетах, в которых выражаются мнения и страсти просвещенной части публики, наконец, проследите отношение европейских правительств к России. Вы увидите, что во всех этих разнообразных сферах господствует один и тот же дух неприязни, принимающий, смотря по обстоятельствам, форму недоверчивости, злорадства, ненависти или презрения».

Надо принять логику того, что Данилевский делает здесь горькое признание существующих фактов, признание, которое было бы не под силу иному исследователю или публицисту. Данилевский был убежден, что не существует единой нити общественного прогресса, и не чуждался самых резких оценок происходящего:

«Дело в том, что Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды... Материалом, который можно формировать и обдирать по образу и подобию своему... Как ни рыхл и ни мягок оказался верхний, наружный слой, все же Европа понимает или, точнее сказать, инстинктивно чувствует, что под этой поверхностью лежит крепкое, твердое

ядро, которое не растолочь, не размолоть, не растворить, — которое, следовательно, нельзя будет себе ассимилировать, претворить в свою кровь и плоть, — которое имеет и силу, и притязание жить своею независимую, самобытную жизнью. Гордой, и справедливо гордой, своими заслугами Европе трудно, — чтобы не сказать невозможно — перенести это. Итак, во что бы то ни стало... надо не дать этому ядру еще более окрепнуть и разрастись, пустить корни и ветви вглубь и вширь... Тут ли еще думать о беспристрастии, о справедливости... Как дозволить распространиться влиянию чуждого, враждебного, варварского мира... Вот единственное удовлетворительное объяснение той двойственной меры и весов, которыми отмеривает и отвешивает Европа, когда дело идет о России (и не только о России, но вообще о славянах) — и когда оно идет о других странах и народах».

Развивая свою аргументацию для доказательства главного вывода («Принадлежит ли в этом смысле Россия к Европе? К сожалению или к удовольствию, к счастью или к несчастью — нет, не принадлежит»), Данилевский прибегал к самым разным доводам — из сферы биологии, антропологии, архитектуры. Итог рассуждений однозначен: «Европа есть поприще германо-романской цивилизации... Причина явления (враждебности к России. — А.К.)... лежит в неизведанных глубинах тех племенных симпатий и антипатий, которые составляют как бы исторический инстинкт народов, ведущий их (помимо, хотя и не против их воли и сознания) к неведомой для них цели...».

В чем же Данилевский видел главное отличие Европы от России? Рассматривая историю континента, особенно историю религий, он с уверенностью утверждал о том, что коренная черта европейского характера — насильственность, которая «есть не что иное, как чрезмерно развитое чувство личности, индивидуальности, по которому человек, им обладающий, ставит свой образ мыслей, свой интерес так высоко, что всякий иной образ мыслей, всякий иной интерес необходимо должен ему уступить».

Подытоживая различные суждения и оценки фактов, Данилевский пытается сформулировать собственные законы исторического развития. По его убеждению, они таковы:

«Закон 1. Всякое племя или семейство народов... составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества.

Закон 2. Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью.

Закон 3. Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа...

Закон 4. Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, только тогда достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, — когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию или политическую систему государств.

Закон 5. Ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения — относительно краток и истощает раз навсегда их жизненную силу».

Если славянофилы утверждали, что русский народ имеет всемирно-историческое призвание, как истинный носитель всечеловеческого окончательного просвещения, то Данилевский, напротив, считал Россию и славянство лишь особым культурно-историческим типом, однако наиболее широким и полным. Вообще он признавал четыре разряда культурно-исторической деятельности: деятельность религиозная, деятельность собственно культурная, политическая и социально-экономическая. По его

мнению, иные исторические типы сосредотачивали свои силы на одной из указанных сфер деятельности (евреи — на религии, греки — на культуре). И только России и славянству удалось равномерно развить все четыре сферы и осуществить полную «четырёхосновную» культуру.

Данилевский был убежден в том, что идея Славянства должна быть для славян высшей идеей, выше свободы, науки и т.д. Только Всеславянский Союз мог быть гарантом будущего развития страны. Многие современники (в том числе П.Н. Милюков) отмечали, что деятелей общественного движения в России привлекал в первую очередь предложенный Данилевским проект всеславянской федерации, позволявший ненасильственным путем объединить не только православных, но и славян-католиков, славян-протестантов. План федерации по Данилевскому был популярен и литературно-политических кружках Киева, Богемии и Хорватии.

Данилевский предупреждал читателей о том, что борьба России с Европой неизбежна. Исходя из этого, он обосновал ряд принципов государственной стратегии:

— стремление России разрешить свои проблемы с помощью Европы бесперспективно;

— для сохранения своей политической и духовной независимости Россия должна как можно быстрее освободиться от «добровольно наложенных на себя пут и цепей»;

— руководящим принципом, способным обеспечить успех политики России, должен стать русско-славянский эгоизм, что позволит ей выйти из европейской политической системы с твердым сознанием своей политической линии.

Данилевский был твердо убежден в том, что Россия в разные исторические эпохи добивается наибольших успехов на международной арене только тогда, когда в центре российской политики стоят русские интересы. Когда же начинает отстаивать «общеевропейские интересы», все ее прежние успехи обращаются против нее же и «заставляют истекать кровью ее собственное тело».

Поразительно, но предостережения Данилевского не были услышаны. Российские философы конца XIX — начала XX века нередко обзывали Н.Я. Данилевского обидным прозвищем «зоолог в славянофильстве». После революции 1917 года официальная наука высказывалась в его адрес скупой и крайне резко: «теоретик русского национализма» (Малая советская энциклопедия, 1929), «глава поздних славянофилов-«почвенников»... По политическим взглядам Данилевский — националист, апологет политики царизма» (Философская энциклопедия, 1960), «идеи Данилевского оправдывали великодержавно-шовинистические устремления царизма» (Большой энциклопедический словарь, 1980).

Взвизывая на вооружение политику «национального самоотречения» и национального нигилизма, коммунисты были вынуждены игнорировать основные идеи, высказанные Данилевским. Видимо, этим обстоятельством и можно объяснить атмосферу замалчивания, которая окружала его наследие в советское время. В свете событий истории России XX века предостережения Данилевского о недопустимости жертвовать народными интересами во имя абстрактных целей ложно понимаемого «прогресса», об опасности денационализации культуры и ныне звучат более чем актуально.

Наследие Данилевского, несмотря на огромную дистанцию времени, отделяющую его от сегодняшнего дня, остается по-прежнему ценным и востребованным. Уже на рубеже XX и XXI веков стали очевидны двойные стандарты стран-лидеров по отношению к России: запреты, бойкоты, таможенные барьеры, особые визовые зоны... Полтора века назад Данилевский подчеркивал, что Россия в глазах Европы может претендовать на достоинство, только потеряв свой национальный облик. Бывшей сверхдержаве предложили ультиматум: если Россия хочет дорожить мнением Европы и стать ее частью, то ей не остается ничего другого, как отказаться от политического патриотизма и от мысли о крепости и единстве своего государственного организма. А внутри страны пафос тысячелетней русской истории, ее побед и завоеваний,

предложили расходовать на оправдание невнятных новаций и просчетов псевдореформаторов.

Ныне с новой силой множатся общемировоззренческие размышления об итогах и перспективах исторического пути России. Россия — не нация, но целый мир. Многим из ныне живущих россиян внушали в школе: Российская империя — жандарм народов. Россия же была просто сильной державой со всеми позитивными и негативными чертами сильной державы: таковых имелось, скорее всего, не больше и не меньше, чем у других империй. Россия — страна идеологичная, ее миссионерская идея играла роль объединяющую и придающую смысл любой общественной деятельности. Но эта идея никогда не основывалась на прагматизме и индивидуализме, что является основой идентичности западного сознания. Именно поэтому западные ценности не могли стать органической частью российского самосознания.

Известная склонность русских к крайностям и перегибам нередко приводила к неоправданному слому старых порядков, к возведению в ранг первостепенных идей и шагов, не обоснованных необходимостью социального развития или какими-либо другими вескими причинами. Когда же государственные мужи в конце XX века попытались выстроить новую идеологию, прежние беды общественного сознания сказались в полную силу: заказ на создание «новой национальной идеологии» провалился. Очевидно, что национальная идея не может быть результатом исключительно теоретических построений, она должна быть органично «своей», понятной массе обычных людей, дающей им смысл бытия.

Национальную идею нельзя «вырастить» на пустом месте. И напротив, историческое наследство нельзя разрезать, отделив позитивное от негативного, разъять на части. Идеал общественного устройства в русской философии — создание такой человеческой общности, где личность не подавляется обществом, но и последнее, в свою очередь, не страдает от эксцессов личного произвола. Данилевский оставил нам интеллектуальную основу для того, чтобы с учетом конструктивных идей и концепций выстроить жизнеспособную стратегию движения России в мировом процессе развития.

